
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

Л.В. Гущина*Южный федеральный университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*milnekh@yandex.ru**ЭПИТЕТНЫЕ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ
В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ В.В. НАБОКОВА:
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ****[*Lyudmila a V. Guschin* Epithetic colouremes****in V.V. Nabokov's Russian and English prose: comparative analysis]**

Colour and colouremes represent linguistic and cultural signs of great semantic capacity. Being phenomena of any language culture and key concepts of this or that society, they are nationally specified. It is considered possible to read any colour as a word or to interpret it as a signal, a certain sign or a symbol. This article analyzes specifics of the use of epithetic colouremes in V.V. Nabokov's prose that enhance figurativeness and expressiveness, emphasize individual signs of an object or a phenomenon and thus fill statements with deep sense. V.V. Nabokov's Russian and English versions of such works as "*Speak, Memory*" and "*Lolita*" are compared in order to identify similarities and differences in the use of colour names. The extensive actual material allows the author to reveal and classify various types of colouremes inherent in bilingual works of V.V. Nabokov.

Key words: colour naming, coloureme, epithet, epithetic colour naming, synesthesia, V.V. Nabokov.

Изучение цвета охватывает исследования специалистов широкого круга – лингвистов, психологов, философов и этнографов, которые ставят перед собой насущный вопрос о возможности полного описания имен цвета. Однако в научной литературе отсутствует точная система координат, посредством которой можно было бы определить субстанцию цвета или же системно описать таковую. Следовательно, проблема классификации колорем остается актуальной. Как известно, языковая картина мира отличается от мира действительности в силу специфики конкретных культур, стоящих за каждым языком, в котором происходит конвенционализация, т.е. негласное коллективное соглашение говорящих выражать свои мысли определенным образом [7, с. 283]. И значит, особый интерес представляет собой анализ разноязычных художественных произведений писателей, свободно владеющих несколькими языками.

Художественная картина мира подобна языковой. Она связана с восприятием читателем художественного текста, воплощаясь в нем в соответствии с определенными намерениями писателя. Обращаясь к общеязыковым значениям и отношениям между словами, он переосмысливает их, в частности, создавая свою уникальную лингвоцветовую картину мира [6, с. 27–30]. Будучи построенным по законам ассоциативно-образного мышления, текст художественного произведения преобразует жизненный материал в «маленький мир», увиденный глазами конкретного писателя. Поэтому в нем за изображенными картинами жизни всегда присутствует подтекстный, интерпретационный план. Поскольку в художественном тексте господствуют ассоциативные связи, постольку художественное слово оказывается практически понятийно неисчерпанным. Различные ассоциации вызывают соответствующие наращения смысла. Одни и те же реалии могут восприниматься писателями по-своему согласно личным ассоциациям.

Произведениям В.В. Набокова свойственны глубокий анализ эмоционального состояния его героев и сложный, непредсказуемый сюжет. Его работы, среди которых: «*Другие берега*» / «*Speak, Memory*» (1954), «*Лолита*» / «*Lolita*» (1955) и др., характеризуются и сложной литературной техникой.

Владея тремя иностранными языками с раннего детства, писатель утверждал, что его голова разговаривает по-английски, сердце – по-русски, а ухо – по-французски. Кроме того, он обладал удивительным даром синестезии (от греч. *synaesthesia* – «смешанное ощущение»), т.е. особым способом чувственного переживания при восприятии цветовых понятий. Полагая, что родился художником, В.В. Набоков до четырнадцати лет посвящая свое свободное время рисованию. С возрастом приоритеты и желания писателя изменились, но чувство цвета и любовь к нему автор испытывал на протяжении всей своей жизни. Это и нашло отражение в его литературных произведениях. Известно, что В.В. Набоков обладал оригинальным представлением графических символов латинского алфавита и русской азбуки в цвете. Писатель отмечал, что наделен «чудаческим даром видеть буквы в цвете», так называемым «цветным слухом» [цит. по: 3].

Таким образом, исследование цветообозначений в произведениях В.В. Набокова, поражающих своей красочностью и богатой цветовой палитрой, представляется нам интересным и перспективным, в частности с при-

менением сравнительно-сопоставительного метода, направленного на описание фактов русско- и англоязычной прозы писателя, выявление сходств и различий между двумя сравниваемыми языками в разноязычных версиях одних и тех же художественных произведений.

Особый интерес в двуязычных произведениях В.В. Набокова, на наш взгляд, вызывают эпитетные колоремы с переносным значением, посредством которых писатель описывает чувства, предметы, эмоциональное и психическое состояния. Такие цветообозначения, как правило, усиливают образность и выразительность, подчеркивая индивидуальный признак предмета и / или явления, и вследствие этого наполняют высказывания глубоким смыслом. Цветовые эпитеты являются результатом интуитивного художественного отбора и выполняют в тексте произведений смысловую, описательную (с целью придать «зримую» характеристику описанию) и эмоциональную (определенным образом воздействовать на читателя) функции.

По семантическому признаку эпитетные колоремы представлены оттеночными наименованиями цветов. Они могут быть выражены простыми именами прилагательными или сложными словосочетаниями со значением оттенка: «*Пластиковые манекены в натуральный рост, изображавшие курносых детей с бежевыми, оливковыми, буро-веснущатыми личиками фавнят <...>*» [5, с. 62] vs. «*Life-size plastic figures of snubbed-nosed children with dun-colored, greenish, brown-dotted, faunish faces <...>*» [10, с. 52].

С позиции строения эпитетных колорем следует отметить роль морфологических и словообразовательных изменений в уточнении степени интенсивности цвета посредством суффиксов и сложения с базовым / опорным компонентом – «цветовым» именем прилагательным – и компонентами *ярко-, темно-, бледно-, дымно-*, которые уточняют качество цвета: «*В красном треугольнике темно-рубиновая листва густела над розовым мелом аллеи*» [4, с. 46] vs. «*The red made the foliage drip ruby dark upon a pink footpath*» [11].

Следует отметить, что схожие модели для построения цветообозначений в контекстах двух языковых культур не всегда характерны для произведений В.В. Набокова. Так, мы усматриваем разницу в описании цвета автомобиля в русском и английском языках: «*<...> и долез так, на кривых ногах, до улицы, где его ждал дымчато-серый автомобиль*» [5, с. 177] vs. «*<...> as he climbed, blow-legged, to the street, where his gray car awaited him*» [10, с. 302].

Цветобозначения, репрезентированные в тексте в качестве сложных имен прилагательных русского языка, в английской версии могут быть представлены сочетаниями наречий с именами прилагательными: «Бледно-зеленый несчастный нансенский паспорт был хуже волчьего билета <...>» [4, с. 118] vs. «*The League of Nations equipped emigres who had lost their Russian citizenship with a so-called “Nansen” passport, a very inferior document of a sickly green hue*» [11]. Сравнительно-сопоставительный анализ двуязычных произведений В.В. Набокова позволил нам выявить интересную деталь, а именно: оттенок бледности в мировоззрении писателя имеет значения болезненности; именно поэтому здесь оттенок одного и того же паспорта в русской версии звучит как «бледный», а в английской – передается наречием «*sickly*».

Нами выявлено, что ряд английских колорем в качестве первого элемента включает в себя имя существительное и носит сравнительно-конкретизирующее значение: *cherry-red, rose-red* и др., содержа в качестве компонента, например, фитоним. Однако в русском варианте двуязычных произведений первый компонент представлен наречием: «*Мне понравились ее длинные ресницы и жемчужно-серый *tailleur*, облежавший ее юное тело <...>*» [5, с. 10] vs. «*She came hardly up to my chest hair and had the kind of dimpled round little face French girls so often have, and I liked her long lashes and tight-fitting tailored dress sheathing in pearl-gray her young body <...>*» [10, с. 18].

Следующая группа колорем включает в свой состав обязательный компонент «цвет», но необходимо заметить, что такие модели употребляются В.В. Набоковым исключительно в русских версиях рассматриваемых произведений. В англоязычных текстах соответствующие цветовые значения представлены именами прилагательными: «Морского цвета глаза, черный ежик, румяные щеки, небритый подбородок» [5, с. 158] vs. «*Arctic blue eyes, black hair, ruddy cheeks, unshaven chin*» [10, с. 353]. Таким образом, можно предположить, что именно русский язык позволяет В.В. Набокову более детально прописывать оттенки цветов, в то время как его англоязычным версиям характерны более упрощенные варианты.

Следует отметить, что в данную группу колорем входят цветобозначения с зоонимами на русском языке. Однако зооморфный код не находит своего отражения в соответствующих английских версиях, подчас заменяясь простыми колоремами: «*Первый из них состоял под управлением*

кроткого бледнолицего шофера Волкова; это был мышинного цвета ландаулет» [4, с. 82] vs. «*The first, a gray landaulet, manned by Volkov, a gentle, pale-faced chauffeur, was the older one*» [11].

Другой моделью эпитетных колорем в произведениях В.В. Набокова служит генитивная конструкция, т.е. субстантивное словосочетание, состоящее из стержневого компонента цвета и зависимого генитива. Частное грамматическое значение генитива заключается в его выражении качественной характеристики предмета [8, с. 424]. В свою очередь рассматриваемые конструкции выступают в синтаксической функции несогласованного определения. Такие цветообозначения Р.М. Фрумкина называет «именами цвета», образованными по модели «‘X цвета Adj Y’, где X – характеризуемый объект, Y – объект, цвет которого приписывается X, Adj – имя прилагательное (иногда факультативное)» [9, с. 40], а О.Н. Григорьева – «конструкциями с так называемым родительным качества» [1, с. 20]. Например: «<...> и молодая луна цвета Ю висела в акварельном небе цвета В» [4, с. 44] vs. «*A moist young moon hung above the mist of a neighboring meadow*» [11].

Продуцирование генитивных конструкций (по своей сути окказиональных цветообозначений) связано с коммуникативным замыслом и всецело зависит от речевой ситуации. Именно поэтому они способны передать то, что не под силу стандартному слову [2, с. 35]. Интересно, что генитивные конструкции находят широкое применение только в русскоязычных текстах В.В. Набокова, в то время как англоязычные версии попросту лишены подобных цветообозначений: «*Бэрнес был крупного сложения, светлоглазый шотландец с прямыми желтыми волосами и с лицом цвета сырой ветчины*» [4, с. 37] vs. «*Mr. Burness was a large Scotsman with a florid face, light-blue eyes and lank, straw-colored hair*» [11].

В романах писателя встречаются и такие эпитетные цветообозначения, которые состоят из словосочетаний, совмещающих в себе основные и оттеночные наименования цветов, построенные по моделям: «*наречие + имя прилагательное*» (для русского языка) и «*имя прилагательное + имя прилагательное*» (для английского языка, соответственно), которые придают описанию больше красок, жизни предметам и явлениям: «*А в доме рядом антиквар выставил в загроможденной витрине великолепный, цветистый – зеленый, красный, золотой и чернильно-синий – старинный американский*

эстамп <...>» [5, с. 14] vs. «*And next door, an art dealer displayed in his cluttered window a splendid, flamboyant, green, red, golden and inky blue, ancient American estampea locomotive <...>*» [10, с. 25].

Особый интерес представляют собой *синэстетические цветообозначения*, т.е. сложений с базовым / опорным «цветовым» компонентом (именем прилагательным) и «аффективным» компонентом, который передает характер эмотивного восприятия цвета, его носителя и / или эстетическую оценку цвета: «... *один последний мазок краски, язвящая краснота, зудящая розовость, вздох, отворачивающееся дитя*» [5, с. 198] vs. «*There would have been a fire opal dissolving within a ripple-ringed pool, a last throb, a last dab of color, stinging red, smearing pink, a sigh, a wincing child*» [10, с. 170]. Здесь следует отметить, что при передаче цвета в русских версиях писатель использует имена существительные («*краснота*», «*розовость*»), тогда как в английских вариантах он прибегает к именам прилагательным: «*red*» вместо *redness*, «*pink*» вместо *pinkness*.

Интересно наблюдать наделение неодушевленных предметов и явлений характеристиками, которые присущи одушевленным объектам, например, стыдливостью: «*Мы научились презирать простые кабинки из беленых досок, пропитанные слабым запахом нечистот или какой-либо мрачно-стыдливой вонью <...>*» [5, с. 163] vs. «*We held in contempt the plain white-washed clapboard Kabins, with their faint sewerish smell or some other gloomy self-conscious stench <...>*» [10, с. 183].

Однако не все русские синэстетические цветообозначения отражаются подобным образом в английских произведениях. Так, серый свитер в русском варианте становится старым в английском: «*Обратно в автомобиль пошел серый мертвый свитер <...>*» [5, с. 202] vs. «*Back into the car went the old dead sweater <...>*» [10, с. 344].

Также мы выявили цветообозначения, построенные на основе так называемых потенциальных носителей выражения цвета, т.е. лексем, не являющихся наименованием цветов, но предполагающих такую возможность их выражения благодаря своим периферийным или коннотативным значениям. Такие лексемы способны имплицитно выражать цветовое значение: «*<...> занялось дыхание от вида невероятной птицы, растянутой им за концы пламенистых крыльев*» [5, с. 63] vs. «*holding his breath over the incredible bird he spreads out by the tips of its flaming wings*» [10, с. 59]. Приведенные примеры лексем похожи как с позиции частере-

чия, так и значения в русском и английском языках. Однако нам представляется возможным наблюдать наличие ассоциативных цветообозначений, которые отличаются репрезентирующими лексемами в рассматриваемых языках. Так, для обозначения схожих оттенков писатель использует простые русские и сложные английские имена прилагательные: «<...> художник написал ее вполоборота, изумительно передав нежные черты, высокий зачес пепельных волос, сизую голубизну глаз <...>» [4, с. 102] vs. «<...> the artist had drawn her face in three-quarter view, wonderfully bringing out its delicate features-the upward sweep of the ash-colored hair <...> the pure curve of the forehead, the dove-blue eyes <...>» [11].

Кроме того, следует отметить употребление лексем, в русском языке косвенно выражающих цвет и соответствующие ощущения, а в английском – только последнее: «Огненный хаос уже поднимался во мне до края <...>» [5, с. 202] vs. «A poignant chaos was welling within me <...>» [10, с. 76]. Таким образом, «русский» хаос предстает обжигающим явлением, а «английскому» свойственны черты резкости, едкости и разъедания.

В целом, мы полагаем, что все выявленные нами эпитетные колоремы используются В.В. Набоковым для придания его произведениям бóльшей выразительности и экспрессивности. Указанные цветоименования эмоционально окрашены и раскрывают уникальность мысли писателя, представляя обычные предметы и явления в новом свете.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Григорьева О.Н. Цвет и запах власти. М., 2004.
2. Лукьяненко И.Н. Луна цвета Ю: генитивные конструкции со значением цвета у В. Набокова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2006. №8.
3. Мельников Н.Г. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая Газета, 2002.
4. Набоков В.В. Другие берега. М., 1954.
5. Набоков В.В. Лолита. М., 2004.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения // Культура общения и ее формирование. 2001. Вып.8.

7. *Рахилина Е.В.* Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. 1998. Вып.36.
8. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
9. *Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство. М., 1984.
10. *Nabokov V.V.* Lolita. Paris, 1955.
11. *Nabokov V.V.* Speak, Memory [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/nabokov_vladimir/speak_memory.html (дата обращения 02.10.2017).

R E F E R E N C E S

1. *Grigorieva O.N.* Color and smell of power. М., 2004.
2. *Lukyanyenko I.N.* The moon of color Yu: genitive constructions with the color value of V. Nabokov // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology. 2006. No 8.
3. *Melnikov N.G.* Nabokov about Nabokov and other things: Interviews, reviews, essays. М., 2002.
4. *Nabokov V.V.* Speak, Memory. М., 1954.
5. *Nabokov V.V.* Lolita. М., 2004.
6. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Interpretation field of the national concept and methods of its study // Culture of communication and its formation. 2001. No 8.
7. *Rakhilina E.V.* Cognitive semantics: history, personalities, ideas, results // Semiotics and Informatics. 1998. No 36.
8. *Rosenthal D.E., Telenkova M.A.* Dictionary-reference of linguistic terms. М., 1985.
9. *Frumkina R.M.* Color, meaning, similarity. М., 1984.
10. *Nabokov V.V.* Lolita. Paris, 1955.
11. *Nabokov V.V.* Speak, Memory [Electronic resource]. URL: https://royallib.com/read/nabokov_vladimir/speak_memory.html#0 (date 02.10.2017).

14 ноября 2017 г.